
ИНТЕРВЬЮ INTERVIEW

ПРОЕКТ «ДЕРЕВО КУЛЬТУРНО- ИСТОРИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ»: ИНТЕРВЬЮ С А.В. СУВОРОВЫМ

В.К. ЗАРЕЦКИЙ

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8831-6127>,
e-mail: zar-victor@yandex.ru

Д.Д. ВЕДМИЦКАЯ

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8037-9561>,
e-mail: vedmitskajadaria@gmail.com

В.А. УШАКОВ

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-7220-8361>,
e-mail: vladimir_u@mail.ru

В рамках проекта «Дерево культурно-исторической психологии» представлено интервью с Александром Васильевичем Суворовым — доктором психологических наук, ведущим научным сотрудником Московского государственного психолого-педагогического университета, одним из героев-участников знаменитого Загорского эксперимента, в ходе которого четверо слепоглохих молодых людей получили высшее образование на факультете психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Интервью дополнено кратким рассказом об

А.В. Суворове, подготовленным В.К. Зарецким, долгое время работавшим с ним, и впечатлениями от поэзии А.В. Суворова.

Ключевые слова: культурно-историческая психология, Л.С. Выготский, А.И. Мешеряков, Э.В. Ильенков, Загорский эксперимент, сотрудничество, проект «Дерево культурно-исторической психологии».

Для цитаты: Зарецкий В.К., Ведмицкая Д.Д., Ушаков В.А. Проект «Дерево культурно-исторической психологии»: интервью с А.В. Суворовым // Консультативная психология и психотерапия. 2024. Том 32. № 4. С. 141—154. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2024320407>

PROJECT “TREE OF CULTURAL- HISTORICAL PSYCHOLOGY”: INTERVIEW WITH A.V. SUVOROV

VICTOR K. ZARETSKY

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8831-6127>,
e-mail: zar-victor@yandex.ru

DARIA D. VEDMITSKAYA

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8037-9561>,
e-mail: vedmitskajadaria@gmail.com

V.A. USHAKOV

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia
RCID: <https://orcid.org/0009-0003-7220-8361>,
e-mail: vladimir_u@mail.ru

As part of the “Tree of Cultural-Historical Psychology” project, an interview with Alexander Vasilyevich Suvorov is presented. Suvorov is a Doctor of Psychological Sciences, a leading researcher at the Moscow State University of Psychology and Education, and one of the key participants in the renowned Zagorsk Experiment. This experiment enabled four young individuals who were deaf-blind to earn higher education degrees at the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University. The interview is supplemented with a brief account of A.V. Suvorov by one of the authors, V.K. Zaretsky, who worked closely with him for many years, as well as reflections on Suvorov’s poetry.

Keywords: cultural-historical psychology, L.S. Vygotsky, A.I. Meshcheryakov, E.V. Il’enkov, Zagorsk experiment, collaboration, project “Tree of Cultural-Historical Psychology”.

For citation: Zaretsky V.K., Vedmitskaya D.D., Ushakov V.A. Project “Tree of Cultural-Historical Psychology”: Interview with A.V. Suvorov. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2024. Vol. 32, no. 4, pp. 141–154 . DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2024320407> (In Russ.).

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию предлагается очередная (восьмая) публикация в рамках проекта «Дерево культурно-исторической психологии» (см. «Консультативная психология и психотерапия», выпуски 2017, № 3—4; 2018, № 1—2; 2022, № 4; 2023, № 1, № 4). В предшествующих публикациях интервью о том, каким видят «Дерево культурно-исторической психологии» и себя в его «кроне», дали В.В. Рубцов, Е.О. Смирнова, Н.Н. Толстых, Е.В. Филиппова, А.Б. Холмогорова, В.В. Николаева, В.К. Зарецкий, Б.Д. Эльконин. Сегодня мы публикуем интервью на эту тему с Александром Васильевичем Суворовым, доктором психологических наук, работавшим ведущим научным сотрудником МГППУ с 2006 по 2024 г.

Увы, но это интервью, как и прошлогоднее интервью с Б.Д. Эльконым («Консультативная психология и психотерапия, 2023, № 4), публикуется уже после ухода из жизни А.В. Суворова. На момент ухода из жизни, случившегося 26 января 2024 г., Александру Васильевичу было 70 лет. В последние годы к слепоглухоте добавились нарушения опорно-двигательного аппарата, другие серьезные проблемы со здоровьем. Но он продолжал активно работать. Последняя его книга «Эксперимент длиною в жизнь» была издана в конце 2021 г. Даря свои книги, он неизменно подписывался «Ёжик». Так любил называть себя Александр Васильевич, так любили называть его дети, с которыми он много общался, работал — как сам говорил — «детской вешалкой». Так он выполнял один из заветов, данных ему его учителями...

...Александр Васильевич Суворов, тройной тезка великого русского полководца, прожил безусловно героическую жизнь. Трудности, которые приходилось преодолевать ему, наверное, не сравнимы ни с чем. Но он никогда не унывал, сохраняя оптимизм и чувство юмора даже в очень тяжелые моменты своей жизни (самый трудный период был после смерти мамы, к которой он был очень сильно привязан (см. «О маме» в кн. «Эксперимент длиною в жизнь»). Несмотря на трудности контакта (не знающие языка слепоглухих пользуются письмом по ладони), само общение с А.В. было неизменно приятным, легким, насыщенным в смысловом отношении, какой бы темы оно ни касалось. У него была четкая, ясная, выношенная мировоззренческая концепция, пронизанная гуманизмом, которой он неизменно следовал.

В своих многочисленных книгах А.В. подробно описывает свою жизнь, этапы развития, трудные и поворотные моменты, помнит и всегда с благодарностью вспоминает всех, от кого получал помощь. Рассказывая о своей жизни, он всегда называет точные даты, поражая своей памятью. Но особенно удивительной была память его рук. Однажды мы встретились с А.В. в месте, где не ждали друг друга, не знали о том, что мы там будем оба. Это было на одном из Летних университетов ИСКАР, которые организовывал МГППУ, приглашая для проведения занятий и мастер-классов представителей культурно-исторической психологии из разных стран. Пригласили и Александра Васильевича. Я вошел в аудиторию, когда он закончил лекцию и, увидев его, подошел и поздоровался, пожав ему руку. А.В. не знал, что я тоже приглашен в Летний университет. К тому времени мы уже не работали в одной лаборатории несколько лет и довольно давно не виделись. Тем не менее, после короткой паузы, А.В. повернул голову в мою сторону, как будто взглянул на меня, и спросил: «Виктор Кириллович?» Для меня это было удивительно: как можно узнать по рукопожатию человека, которого не ожидаешь увидеть, с которым давно не общался...

Зрячеслышащим трудно представить себе, что в случае слепоглухоты единственным каналом, по которому поступает информация из внешнего мира, являются тактильные ощущения. Каким чувствительным, каким тонким инструментом познания должны быть подушечки пальцев, чтобы компенсировать отсутствие зрительного и слухового каналов получения информации... Сам Александр Васильевич о любителях подсчитывать, какой процент информации по каким «информационным каналам» поступает, говорил с некоторой иронией, подчеркивая, что дело не «...в перекрытии информационных “каналов” при слепоглухоте. Информация вовсе не “поступает” в готовом виде через какой бы то ни было “канал”, а активно создается в процессе предметной деятельности. Пока я не начну действовать целенаправленно, удовлетворяя свои физиологические нужды и человеческие потребности, я недоступен какой бы то ни было “информации”, хотя бы все мыслимые каналы — зрительный, слуховой, осязательный и так далее — были в полной медицинской исправности. На самом деле через органы чувств мы получаем сырье от всевозможных раздражителей, его надо еще превратить в ощущения, восприятия и так далее. Превратить активно, целенаправленно действуя в наличной проблемной ситуации... И запросто может случиться, что физически слепоглухой благодаря своей высокой культуре — теоретической, эстетической, этической, духовной — содержательней и глубже зрячеслышащих, как бы те ни упражнялись в высчитывании процентов информации, поступающей “в мозг” через те или иные “каналы”. Мы видим, слышим и осязаем воссозданным нами вариантом общечелове-

ческой культуры... Вне культуры никакие восприятие, представление и понимание попросту невозможны¹.

С Александром Васильевичем Суворовым мы проработали в одной лаборатории семь лет. Много общались, даже играли в шахматы. Найти общий язык было несложно. И он, и наша группа опирались в своих подходах на идеи культурно-исторической психологии и педагогики сотрудничества, на деятельностный подход, субъектность ребенка, на понимание развития как саморазвития. Интересно, что А.В. Суворов считал, что «сотрудничество» образовано не от слова «труд», а от слова «трудность». «Сотрудничать» означает совместно преодолевать трудности. Со-трудник — это «...тот, с кем можно разделять трудности»². Основным направлением профессиональной деятельности А.В. Суворова была теория и практика совместной педагогики. Этому были посвящены и его кандидатская, и его докторская диссертации. Основными темами, пронизывающими насквозь его творчество, были человечность и достоинство...

В 2024 г. в сообществе психологов и других специалистов, причисляющих себя к традиции культурно-исторической психологии, отмечалось знаменательное событие: 2024 год был объявлен годом празднования столетия культурно-исторической психологии. А годом ее рождения 1924 год, когда двадцатисемилетний Лев Семенович Выготский на Втором Всероссийском съезде в Петрограде выступил с тремя докладами, после которых А.Р. Лурия пригласил его на работу в Москву. При заполнении личного листка сотрудника Наркомпроса Л.С. Выготскому надо было ответить на вопрос: «В какой отрасли считаете свое использование наиболее целесообразным?». Ответ Льва Семеновича был таким: «В области воспитания слепоглухонемых детей»³. В том же 1924 г. в сборнике «Вопросы воспитания слепых, глухонемых и умственно отсталых детей», вышедшем под редакцией Л.С. Выготского, он в предисловии написал: «Именно в нашей стране вопросы воспитания слепых, глухонемых и умственно недостаточных детей получают свое полное решение прежде, чем во всем остальном мире, потому что это вопросы социальные по самой своей природе — и только в России могут быть поставлены в совершенно новой социальной плоскости»⁴...

Через 85 лет после того, как были сказаны Л.С. Выготским эти слова, А.В. Суворов в брошюре, изданной в «Библиотеке “Первого сентября”», на-

¹ *Суворов А.В.* Человечность, достоинство, педагогика оптимизма // Библиотека «Первого сентября», серия «Воспитание. Образование. Педагогика». 2009. № 24. С. 22—23.

² *Суворов А.В.* Эксперимент длиною в жизнь. М.: ЛитГОСТ, 2021. С. 79.

³ *Выгодская Г.Л., Лифанова Т.М.* Лев Семенович Выготский. Жизнь. Деятельность. Штрихи к портрету. М.: Смысл, 1996. С. 76.

⁴ Там же, с. 78.

пишет, формулируя свое кредо: «...очеловечивать социальное пространство и время вокруг себя — и себя внутри него, стремясь по возможности быть именно генератором очеловечивания. Количество наших очеловечивающих усилий на микроуровне должно дать качество на макроуровне. Качество, благодаря которому этот макроуровень в большей степени будет заслуживать названия общества, а не социальных джунглей. Мы не можем отвечать за все, что творится. Но за что мы можем отвечать, то пусть будет человеческим и, следовательно, очеловечивающим. Конкретным, а не абстрактным»⁵.

* * *

Александр Васильевич, большое спасибо, что приняли приглашение поучаствовать в нашем проекте, это неоценимый вклад! Давайте начнем с самого начала. К какому направлению психологии (клиническая, педагогическая) Вы относите свою деятельность?⁶

Да ко всякой. Психология жизни! Диссертации мои обе относятся к общей психологии, а так как я инвалид, то где-то и клинической; так как я много работал с детьми, общался с ними, то и педагогической. Да и в университетском дипломе написано: «Специальность — детская психология, преподаватель детской психологии».

Считаете ли Вы себя продолжателем идей Льва Семеновича Выготского?

Да, конечно. И непосредственно, и через Леонтьева и Гальперина. Если выстраивать конкретную цепочку, то выглядеть она будет так: Выготский, Леонтьев, Ильенков, Мещеряков.

Кого Вы считаете своими Учителями?

Непосредственно Александра Ивановича Мещерякова⁷, Эвальда Васильевича Ильенкова⁸.

На различных сайтах, например в Википедии, Вашим научным руководителем значится Феликс Трофимович Михайлов.

⁵ Суворов А.В. Человечность, достоинство, педагогика оптимизма // Библиотека «Первого сентября», серия «Воспитание. Образование. Педагогика». 2009. № 24. С. 22.

⁶ В тексте интервью жирным шрифтом выделены вопросы и комментарии интервьюера Д.Д. Ведмицкой, а простым шрифтом ответы А.В. Суворова.

⁷ Советский психолог и дефектолог, один из руководителей Загорского эксперимента.

⁸ Советский философ, доктор философских наук, активный участник Загорского эксперимента, учитель, наставник, научный руководитель А.В. Суворова.

Сначала моим научным руководителем был Мещеряков, потом — Василий Васильевич Давыдов⁹, Ильенков и, наконец, Михайлов¹⁰ — уже ближе к защите диссертации.

То есть их всех можно отнести к Вашим учителям?

Да, конечно. А еще Алексея Александровича Бодалева и Вилену Эмануиловичу Чудновского, они помогали непосредственно на защите, поддерживали. И Виталий Владимирович Рубцов! Когда он узнал, что я хочу защищать диссертацию, он обещал поддержку и руководство от Психологического института. И обещание выполнил.

Если мы разграничим понятие «учитель» и «коллега», то к кому больше относится Виталий Владимирович Рубцов?

(Александр Васильевич задумался.) И тот, и другой. Он очень меня поддерживал, за что я ему благодарен¹¹.

Кого Вы могли бы назвать своими коллегами?

В первую очередь — это Наталья Львовна Карпова. Она сумела включить меня в работу своей группы, нашла там для меня место.

Кого Вы считаете своими учениками, последователями? Кого бы вы назвали среди тех, кто продолжает Ваши идеи?

Кто-то считает себя моими учениками, но мне трудно назвать конкретные имена. Взаимоотношения у меня всегда были с ними неформальными, поэтому отделять, кто друг, а кто ученик, мне всегда было сложно. Обязательно нужно вспомнить Татьяну Александровну Басилову, Елену Львовну Гончарову. Я полагаю, что никто из них от культурно-исторической психологии не отрекся. *Смеется.*

Можете ли Вы вспомнить кого-то из зарубежных коллег, кто оказал бы на Вас профессиональное влияние?

Пожалуй, у меня нет таких уж тесных связей за границей. Я владею только русским языком, соответственно, переписка мне недоступна.

⁹ В.В. Давыдов, директор Психологического института АПН (затем РАО) с 1973 по 1983 г., в 1974 г. в связи со смертью А.И. Мещерякова по просьбе А.Н. Леонтьева стал на короткое время научным руководителем А.В. Суворова.

¹⁰ Ф.Т. Михайлов — официальный научный руководитель кандидатской диссертации А.В. Суворова.

¹¹ Свою последнюю опубликованную книгу «Эксперимент длинной в жизнь» (2021) А.В. Суворов посвятил Московскому государственному психолого-педагогическому университету, в котором работал с 2006 г. до конца своей жизни. Обе диссертации (кандидатскую и докторскую) А.В. Суворов защитил в ПИ РАО, когда директором Института был В.В. Рубцов.

Иногда я переписываюсь с иностранными психологами, но они русские по происхождению. Например, Николай Вересов, который сейчас работает в Австралии, — его называют австралийским Выготским, он сам нам об этом рассказывал во время последней встречи. На самом деле он русский психолог, но он не нашел для себя работу здесь, поэтому пришлось искать работу в Финляндии; а когда там сократили, то он оказался в Австралии.

Недавно я познакомился в Интернете с одной женщиной-психоаналитиком, представительницей школы Виктора Франкла. Себя я к последователям Франкла не отношу, хотя и к оппонентам тоже; вполне дружески к нему отношусь, интересный мыслитель. Но это мы уже говорим о тех, кого я не могу назвать своим «домом», там я просто вежливый гость.

Какие идеи культурно-исторической психологии Вы используете в своей собственной работе?

Концепция обходных путей, из книги «Развитие высших психических функций». Также, конечно, понятие «зона ближайшего развития». Еще стоит отметить критику Павлова, которая очень близка к тому, что я читаю в работах Ильенкова, здесь они (Выготский и Ильенков. — *Прим. ред.*) единомышленники.

Какие концепты культурно-исторической психологии, кроме тех, о которых Вы уже упомянули, Вы считаете важными? Даже если не используете их в своей работе.

Я их скорее всего не знаю! *Смеется.*

Дело в том, что я далеко не все работы Выготского читал. Я бесконечно читал теоретический том из его шеститомника, а вот, например, работ по дефектологии не знаю. Это еще в планах моего чтения.

Нас также интересует вопрос, кто был, на Ваш взгляд, до Выготского, на чьи идеи он опирался в своей работе?

Я затрудняюсь ответить на этот вопрос. Для меня изначально был Выготский.

Ну, может быть, Ушинский, пожалуй.

Многие еще говорят о том, что на Выготского сильно повлияли идеи марксизма...

Выготский критиковал то, что называлось марксистской психологией в его время. Это очень видно в теоретическом томе. Это были какие-то немарксистские марксисты, потому как Выготский был действительно марксист. *Смеется.*

Как Вы считаете, есть ли будущее у культурно-исторической психологии?

Она всех переживет!

Это очень оптимистичный взгляд! А что нужно для того, чтобы она всех пережила?

Для этого нужно, чтобы все остальные поняли, что кроме деятельностного подхода других быть не может.

А возможно ли сотрудничество с иностранными коллегами?

Почему нет? К тому же, кто такие зарубежные коллеги? Вересов вроде бы и зарубежный, но на самом деле нет. Или тот же Майкл Коул. Так что иностранное сотрудничество вполне имеет место быть.

Некоторые считают, что Выготского и на русском трудно понять, а на английском — так вообще невозможно.

К сожалению, я не знаю таких отзывов. По-моему, это их проблема, сложно им понять или же не сложно. *Смеется.*

Если мы сейчас вернемся немного назад, к вопросу об учителях. Можете ли Вы вспомнить какой-то совет, или наставление от кого-то из своих учителей, который Вы до сих пор помните?

Я достаточно много вспоминал об Ильенкове, да и о Мещерякове тоже. От них обоих я получил одно и то же завешание: «Работай с детьми». Я его выполнил.

Для сегодняшних студентов важно слышать рассказы преподавателей о своих учителях — в таких рассказах люди, кого мы знаем только по учебникам, оживают.

Они были очень хорошими людьми, а я был дурак, как все молодые. Я мог бы больше пользоваться тем, что они живы, и больше с ними общаться. Теперь я казню себя за каждую пропущенную встречу.

Можете ли Вы вспомнить какой-то забавный случай из Вашего с ними общения?

Вспоминается про Мещерякова. Мы были на экскурсии в Ленинграде, ехали куда-то на большом автобусе, одеты легко, была жара. Александр Иванович сидел впереди меня, он высунул руку из окна автобуса и поздоровался со мной через окно. Рядом сидела учительница, она увидела, как мы здороваемся через улицу, и изрекла: «Не обезьянничайте!».

Ну а уж Эвальд Васильевич... хотелось бы, чтобы мы больше общались, хотя и не скажешь, что общались мы мало. После смерти Мещерякова мне назначили в научные руководители Давыдова, я очень ругался, что до него никак не доберешься, чтобы про курсовую работу поговорить. Эвальд Васильевич как-то приходит и говорит, что по данным разведки Василий Васильевич будет сегодня в ресторане ГосКино, и мы должны пойти на авантюру — накрыть моего формального научного руководителя прямо в ресторане. Ну а меня уговаривать не надо, я и сейчас авантюрист!

Сначала мы заехали к разведчикам, которые нам сообщили, где будет Давыдов, и все вместе поехали в ресторан. Встретили его на первом этаже, а ресторан на каком-то из высоких этажей. Василий Васильевич сказал: «Этот лифт — черепаха, я его обгону по лестнице!».

Только Василий Васильевич отправился в дорогу, а лифт уже тут как тут, так что мы его обогнали. Эвальд Васильевич говорит: «Давай сядем на диванчик с таким видом, как будто мы уже давно ждем Давыдова!» Мы сели, развалились, а Василий Васильевич удивился, что мы его уже тут ждем.

Удалось ли в итоге поговорить о курсовой?

Поговорить о воображении, которое было темой моей работы, мы с Василием Васильевичем все же смогли! Когда кончилось ресторанный застолье, уже было достаточно поздно, а Эвальд Васильевич захотел вот прямо сейчас встретиться с Людмилой Филипповной Обуховой, в двенадцатом часу ночи.

Он позвонил ей из телефона-автомата на улице, и та вскоре появилась — воплощение праведного гнева! «Как Вам не стыдно, Эвальд Васильевич, занимаетесь растлением малолетних — таскаете детей по ресторанам!».

Вдвоем они повезли меня в интернат, где наша четверка слепоглых квартировалась. Троллейбус был совсем пустой, Эвальд Васильевич поворачивается вокруг своей оси и блаженно приговаривает: «Строгая мама, строгая мама!».

Примерно в полночь они доставили меня домой. Я очень люблю вспоминать этот эпизод, да и многие другие подобные.

Какой совет Вы могли бы дать нынешним студентам?

Знаете, когда я принимаю у студентов экзамен, я ничего особо не делаю, вопросов не задаю, но я их прошу, чтобы они сами вопросы задавали, конечно, в рамках предмета разговора.

Я стараюсь всем ставить автоматы, и я делаю так потому, что студенты перегружены, у меня нет надежды на то, что, общаясь со мной, они обретают какие-то необычные знания, которые стоило бы проверять. Знания они получают, когда будут работать, а пока пусть учатся спрашивать и тем самым самостоятельно мыслить. Это и есть их показатель интереса к предмету.

А еще я всегда говорил, что самая скучная книга — это учебник. Я всегда учился по первоисточникам.

Если говорить о книгах. Мы у наших участников проекта всегда спрашиваем о том, что бы они могли посоветовать почитать из художественной или научной литературы.

Кроме Выготского, из профессиональной литературы я всем рекомендую читать Ильенкова. Сейчас как раз начал выходить его десяти-томник. А из художественной я очень люблю «Час быка» Ефремова, это одна из моих настольных книг. Еще — «Педагогическая поэма» Макаренко, конечно.

Александр Васильевич, есть ли еще что-то важное, о чем я, возможно, не спросила, но Вы хотели бы сказать?

Никакого догматизма! Думайте вместе с ними, изучайте их (Выготского, Ильенкова — *Прим. ред.*) труды.

Александр Васильевич, большое спасибо, что уделите время для участия в нашем проекте, для нас это очень важно!

* * *

О поэзии Александра Васильевича Суворова

Читая стихи Александра Васильевича, в первую очередь обращаешь внимание на центральные акценты в его жизненном опыте: переживание окружающего мира, контакт с людьми, отношение к жизни, к добродетели, к Богу.

В период ранней юности, между 20 и 30 годами Александр Васильевич описывает восприятие мира и людей через переживание лирического героя в темном и далеком космосе, а себя видит странником в пути по галактике, в которой до людей — десятки миллионов километров.

«Всю жизнь лечу в галактике одной.

Лечу в одной галактике, а нужно

Десятки миллионов пролететь...»

Переживание контакта с людьми передается образом руки, теплого прикосновения — «дар в руку». Сразу представляешь, что общение — это когда люди касаются твоей ладони и выводят пальцем на ней буквы, будто на листе бумаги, одну за другой. А более тесный контакт — с близким человеком, другом — тревожит постоянным вопросом, «...горе таящем и муку, скрытых, невылитых слёз», о страхе еще одной потери — неизбежном конце через «несколько лет», о «безжалостной» жизни, где нет «пожизненной» дружбы.

В этот же год в стихотворении Александр Васильевич говорит о другой стороне контакта с людьми, обществом — о той боли, которая возникает от ощущения неполноценности в сравнении с другими, причем не

только в слухе и зрении, а слабее «интеллектом и чувствами». С тяжелым ощущением читаешь строчки о самоопределении себя в роли «объекта тшеславной жажды проявлять гуманность».

Эта тема, как одна из центральных, будет появляться, и развиваться в следующих стихотворениях и будет давать нам возможность реконструировать частичку пройденного автором пути.

Александр Васильевичу уже за 30, в его стихах мы снова находим тему отношения к жизни и смерти. Смерти как неизбежной потере, мимолетности проходящих событий, отчужденности от людей, усталости и муки от жизни. Так, в стихотворении «Вечная память» каждое четверостишие завершается мыслью главного героя: «а его уже нет...», нет кутерьмы и работы, «наслоения бед», уроков из ошибок и даже долгожданная удача, победа завершается вздохом, с той же репликой. А уже несколькими годами позже А.В. напишет: «что я рядом едва ли помните...» и «отчего мне жить — всё мучительней?», — а удерживающая ценность, завершить недописанное, встречается с холодящим душу вопросом о неуверенности в том, что будет кому важно прочесть написанные труды:

«а нужна ли кому страница о души тяжелеющем бремени?...».

Здесь мы снова встречаемся с темой себя как объекта для окружающих и желанием другого контакта и роли в жизни, жизни своей, а не навязанной кем-то:

«Я смертельно устал — бодриться,
притворяться — «героем времени»».

Рядом — противовес, находящийся по ту сторону этого переживания, в образе «грустного Бога», «влюбленного в подопечных», ради которых готов на всё и « постоянно греющий теплом любимцев, забывающих о нём». (Особенно сильно этот образ выделяется на фоне строчек из более позднего стихотворения, где образ Бога рисуется как ответственного за недуг слепоглухоты и «жестокий жребий», за который возникает желание поквитаться).

У «грустного Бога» же любовь раскрывается в постоянной теплоте и радости увидеть всех, как верующих в него, так и отрицающих.

Кто же эти подопечные, мы отчетливо узнаём, читая строки другого стихотворения: «люблю за то, что это — дети: единственная добродетель; не нужно для любви другой»; а главная ценность — не только дописать незаконченное, а желание помочь ребенку стать самим собой. В этой идее Александр Васильевич видит себя в роли «проводника», который «будет тут», рядом, помогать ребенку найти путь к самому себе. В этой идее чувствуется нить, возвращающая нас к ощущению себя «объектом» и, что важно еще раз отметить, вынужденным с другими быть не тем, кем

ты есть. Роль проводника же помогает как подопечным, так и самому себе возможностью противопоставлять себя тем силам, что меняют другого «на свой лад». Так, в стихотворении «Дом», мы читаем, как лирический герой мечтает, хоть и «ни капли не верит в чудо», чтобы его забрали домой, где «разрешат в счастливой компании быть собой» и где «на свой бы лад не меняли...».

Хочется сделать здесь рефлексивную паузу, обобщить ощущением из образа, где человек внутри жестокой судьбы, в которой несправедливо забрали зрение и слух и оставили в холодном космосе слепоглухоты, начинает чувствовать себя объектом для другого. И следующий кадр — тепло, согревающее чувством свободы проводника для других (так и для самого себя) стать самими собой и бороться с тем, как людей меняют на свой лад. Эта метафора помогает приблизиться к опыту Александра Васильевича и его пути, а в дальнейшем, в стихотворении уже 2007 года, Александр Васильевич напишет (подчеркнув в сноске, что он определяет как «божье имя») свои две главные святыне ценности — человечность и разум:

«Да недаром, очевидно,
Стал слепоглухим я:
Божье чтоб душа бесстыдно
Не трепала имя.
Неким органом особым
Постигала мир бы.
Встречные бы души чтобы
Растрясали жир бы».

Информация об авторах

Зарецкий Виктор Кириллович, кандидат психологических наук, профессор кафедры индивидуальной и групповой психотерапии факультета консультативной и клинической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8831-6127>, e-mail: zar-victor@yandex.ru

Ведмицкая Дарья Дмитриевна, преподаватель кафедры клинической психологии и психотерапии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8037-9561>, e-mail: vedmitskajadaria@gmail.com

Ушаков Владимир Александрович, преподаватель кафедры индивидуальной и групповой психотерапии факультета консультативной и клинической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, RCID: <https://orcid.org/0009-0003-7220-8361>, e-mail: vladimir_u@mail.ru

Information about the authors

Victor K. Zaretsky, PhD in Psychology, Professor, Chair of Individual and Group Psychotherapy, Faculty of Counseling and Clinical Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8831-6127>, e-mail: zar-victor@yandex.ru

Daria D. Vedmitskaya, lecturer, Chair of Clinical Psychology and Psychotherapy, Faculty of Counseling and Clinical Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8037-9561>, e-mail: vedmitskajadaria@gmail.com

Vladimir A. Ushakov, lecturer, Chair of Individual and Group Psychotherapy, Faculty of Counseling and Clinical Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, RCID: <https://orcid.org/0009-0003-7220-8361>, e-mail: vladimir_u@mail.ru

Получена 25.11.2024

Received 25.11.2024

Принята в печать 01.12.2024

Accepted 01.12.2024